

ХОЛМИ БЛЭЖ

ХОЛМИ БЛАЖ

САМАЯ ТЕМНАЯ ЧАША

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)
Б70

Holly Black
THE DARKEST PART OF THE FOREST

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Б70   Блэк, Холли.

Самая темная чаща: роман / Холли Блэк; пер с англ.
М. Фетисовой. — Москва : Издательство АСТ, 2017. —
384 с. — (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-982491-6

«Если пойти тропинкой, ведущей в темный лес, — мимо ручья и поваленного дерева, кишящего мокрицами и термитами, — то придешь к стеклянному гробу. Он стоит прямо на земле, а в нем спит мальчик — с рогами и острыми, как ножи, ушами.» — в детстве Хейзел думала, что этот мальчик — принц, и мечтала, что однажды он проснется, и будет мудро и справедливо править своим царством, и не будет таким жестоким и коварным, как многие феи и эльфы.

Хейзел выросла и забыла истории, которые сочиняла о рогатом мальчике. Всем известно, что он никогда не проснется. Но однажды это все-таки произошло...

Весь мир перевернулся вверх дном. И Хейзел ждет все, что полагается в таких случаях: любовь, предательство и подвиги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-17-982491-6

Copyright © Holly Black, 2015
© М. Фетисова, перевод на
русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Саре Риз Бреннан,
другу и вдохновителю*

*Ты что, дитя, считаешь, будто мы, за-
мыслив зло, таилися бы здесь, — вблизи
тропы, ведущей в темный лес?*

Кеннет Пэтчен

ГЛАВА 1

Если пойти тропинкой, ведущей в темный лес — мимо ручья и поваленного дерева, кишашего мокрицами и термитами, — то придешь к стеклянному гробу. Он стоит прямо на земле, а в нем спит мальчик — с рогами и острыми, как ножи, ушами.

Он всегда был там. Хэйзел Эванс узнала об этом от своих родителей, а те — от своих. И что бы кто ни делал — мальчик никогда, никогда не просыпался.

Хэйзел и ее брат Бен провели не одно долгое лето, растянувшись на крышке гроба: рассматривали спящего сквозь хрустальное стекло и, затуманивая его своим дыханием, строили великие планы — но и тогда мальчик ни разу не проснулся. Не просыпался он, и когда на него приходили поглазеть туристы, а разрушители легенд пытались доказать, что он ненастоящий. Он проспал все осенние выходные, когда девушки, вихляясь под звуки, скрежещущие из динамика телефона, танцевали прямо над ним, и не заметил, как Леони Уоллес подняла пиво высоко над головой, будто салютуя лесным призракам. Он

даже не пошевелился, когда лучший друг Бена Джек Гордон накарябал на гробе нестираемым маркером: «В ЭКСТРЕННОМ СЛУЧАЕ РАЗБИТЬ СТЕКЛО», а Ллойд Линдблад схватился за кувалду, чтобы и в самом деле попробовать. Неважно, сколько вечеринок проходило вокруг рогатого мальчика. Одно поколение гуляк сменялось другим, в траве сверкали осколки десятков зеленых и янтарных бутылок, в кустах поблескивали раздавленные алюминиевые банки: серебристые, золотистые и ржавые; неважно, что случилось на этих вечеринках, — ничто не могло разбудить мальчика в стеклянном гробу.

Когда Бен и Хэйзел были совсем маленькими, они плели мальчику цветочные короны и рассказывали, как спасут его. Тогда они мечтали спасти всех жителей Фэйрфолда, которые в этом нуждались. Повзрослев, Хэйзел стала приходить к гробу только по ночам, в компании, но, глядя на неподвижное и прекрасное лицо мальчика, по-прежнему чувствовала, как сжимается что-то в груди.

Она не спасла его. И никого в Фэйрфолде не спасла.
— Эй, Хэйзел! — позвала Леони.

Не прекращая танцевать, девушка сделала пару шагов в сторону, чтобы на крышке гроба хватило места и Хэйзел — если та захочет присоединиться. Дорис Альваро, все еще в форме болейщицы — накануне вечером их школьная команда потерпела поражение, — уже стояла там: в воздухе мелькали ее блестящие каштановые волосы, собранные в

хвост. Разгоряченные выпивкой, обе пребывали в прекрасном настроении.

Хэйзел приветственно помахала Леони, но преодолела искушение залезть на гроб и смешалась с толпой.

Средняя школа Фэйрфолда была совсем небольшой, но ребята все равно делились на группировки (некоторые даже состояли из одного человека: например, Меган Рохас была единственным представителем сообщества готов). Однако на вечеринки собирались все — иначе никаких вечеринок бы не получалось. Впрочем, совместные гулянки отнюдь не делали их друзьями. Всего месяц назад Хэйзел была в девичьей банде, члены которой являлись в школу с густо подведенными глазами и в длинных сверкающих сережках, таких же ослепительных, как и их улыбки. Они поклялись друг другу в вечной дружбе и скрепили клятву липкой яркой кровью, высосанной из больших пальцев. Хэйзел отстранилась от них после того, как Молли Липскомб попросила ее поцеловать, а потом послать своего бывшего — но пришла в ярость, когда Хэйзел действительно это сделала.

Оказалось, что те, кого она считала подругами, хотели дружить только с Молли. Замысел Молли был всем хорошо известен, но они притворялись, что ничего не знали, и делали вид, будто это Хэйзел во всем виновата, будто она намеренно причинила Молли боль.

Хэйзел целовалась с парнями по сотне разных причин: они были милыми; она была слегка пьяна; ей было скучно; они ничего не имели против; это казалось забавным; они выглядели такими одинокими; на некоторое время это избавляло ее от всех страхов — она уже со счета сбилась, сколько поцелуев подарила. Но мальчика, который принадлежал кому-то еще, она поцеловала лишь однажды и больше не собиралась — ни при каких обстоятельствах.

Хорошо, что у нее есть брат, на которого всегда можно рассчитывать, хотя сейчас его и нет рядом: сегодня он в городе, на свидании с каким-то парнем, с которым познакомился в Сети. Еще у нее есть Джек — лучший друг Бена; правда, временами он сводит ее с ума. И Леони.

Полно друзей. Даже слишком много — учитывая, что, вероятно, не сегодня-завтра она исчезнет и покинет их всех.

Взвинченная этой мыслью, сегодня она не попросила никого подвезти ее на вечеринку, хотя это значило идти всю дорогу пешком: краем леса, мимо ферм и старых сараев для сушки табака, а потом — в самую чашу.

Стояла одна из тех ночей ранней осени, когда воздух пахнет лесным туманом вперемешку со сладким душком подгнивающих листьев, и все кажется возможным. На Хэйзел был новый зеленый свитер, любимые коричневые ботинки и дешевые серьги-

кольца, покрытые зеленой эмалью. Распушенные рыжие кудри все еще отливали летним золотом, а когда она посмотрелась в зеркало, чтобы перед выходом подкрасить губы, то подумала, что и в самом деле выглядит очень даже ничего.

Лиз отвечала за музыку: она так громыхала из телефона девушки, подключенного к колонкам ее старенького «Фиата», что деревья дрожали. Мартин Сильвер клеил Намию и Лурдес, явно надеясь на многообещающее продолжение, чему никогда — никогда, *никогда* — не суждено было сбыться. Молли смеялась в окружении подружек. Стивен, в забрызганной краской рубашке, сидел в своем грузовичке со включенными фарами и пил из фляги сивуху папы Франклина. Парень был слишком увлечен утoleniem печалей, чтобы бояться ослепнуть от этой дряни. Джек сидел со своим братом (*вроде как* братом) Картером, футбольным защитником, на бревне рядом с гробом. Они смеялись, и Хэйзел вдруг захотелось подойти и рассмеяться вместе с ними. Впрочем, еще ей хотелось танцевать и... не разбирая дороги, бежать домой.

— Хэйзел, — позвал кто-то.

Обернувшись, девушка увидела Робби Дельмонико. Улыбка застыла на ее лице.

— Никак не мог тебя найти. Хорошо выглядишь. — Казалось, его это обидело.

— Спасибо.

Робби *знал*, что она его избегала, отчего чувствовала себя ужасно — но с тех пор, как они поцело-

вались на той вечеринке, он таскался за нею с печатью скорби на лице, и от этого становилось еще хуже. Она его даже не бросала, ничего подобного, — Робби ведь никогда не предлагал ей встретиться. Просто грустно на нее пялился и задавал дурацкие наводящие вопросы вроде: «Что ты делаешь после школы?» А когда Хэйзел отвечала: «Да так, просто болтаюсь без дела», никогда ничего не предлагал и не намекал, что был бы не прочь заглянуть в гости.

Вот почему все вокруг думали, что Хэйзел пойдет с кем угодно, — из-за поцелуев с парнями вроде Робби Дельмонико.

Но тогда это казалось неплохой идеей.

— Спасибо, — чуть громче повторила она, кивая, и собралась отвернуться.

— У тебя новый свитер? — Унылая улыбка Робби как будто говорила: он знает, как это мило, что он заметил обновку, и что последнее слово всегда остается за «хорошим парнем».

Смешно, но Роб не проявлял к ней абсолютно никакого интереса, пока она сама его не подцепила. Как будто, соединив свои губы с его — и окей, проявив в этом определенное мастерство, — она превратилась в какую-то жестокую богиню любви.

— Новый, — вновь кивнула она. Рядом с Робби Хэйзел чувствовала себя бессердечной, и он явно был о ней такого же мнения. — Ладно, увидимся.

— Ага, — протянул он.

И тут — в тот миг, когда еще можно было просто уйти — девушку захлестнуло чувство вины, и она сказала то, чего не должна была говорить и за что упрекала себя всю оставшуюся ночь:

— Может, попозже встретимся.

В его глазах зажглась надежда, и Хэйзел слишком поздно поняла, что ее слова прозвучали для парня как обещание. Но теперь единственное, что она смогла придумать — это удрать к Джеку и Картеру.

Джек — ее детское, наивное увлечение — явно удивился, когда она к ним примчалась. Это было странно, ведь его почти никогда не удавалось застать врасплох. Как однажды сказала мама Джека: он слышит гром раньше, чем сверкнет молния.

— У нашей милой Хэйзел, как омуты, глаза. Лишь парня поцелует — и он сойдет с ума, — пропел Картер. Иногда он вел себя, как редкостный придурок.

Картер и Джек выглядели почти одинаково: черные вьющиеся волосы, янтарные глаза, темно-коричневая кожа, пухлые губы и широкие скулы, которым завидовали все без исключения девушки города. Однако близнецами они не были. Джек был подменьшем — подменьшем Картера, — которого оставили укравшие его феи.

Фэйрфорд — странное место. Он расположен точно в центре Карлингского леса, кишящего существами, которых дедушка Хэйзел называл *Зеленушками*, а мама — *Этими Самыми* или *Воздушным Народцем*. Встретить здесь черного зайца, плаваю-

щего в ручье (хотя, как правило, зайцы — не большие охотники до купания), или олениху, на бегу превращающуюся в девушку, — обычное дело. Каждую осень местные оставляют часть урожая яблок жестокому и своенравному Ольховому королю. А каждую весну для него плетут цветочные гирлянды. Горожане знают, что в самом сердце леса таится чудовище: оно заманивает чужестранцев криками, похожими на женский плач. Пальцы его — словно ветки, а волосы — мох. Оно питается горем и несет гибель. Выманить его можно, спев особую песню: хорошие девочки отваживаются шептаться об этом, лишь когда идут друг к другу с ночевкой. А еще в кольце камней, где растет боярышник, можно поторговаться за сокровенное желание: в полнолуние повязать клочок своей одежды на ветку и подождать кого-нибудь из Народа. В прошлом году Дженни Эйхман отправилась туда и пожелала поступить в Принстон, пообещав феям заплатить любую цену. Желание исполнилось, но ее маму разбил инсульт, и она умерла в тот же день, когда из университета пришло письмо.

Вот почему — из-за исполнения желаний, рогатого мальчика и других странных вещей — городок посещают так много туристов, хотя сам он до того мал, что начальная и старшая школы расположены в одном здании, а чтобы купить новую стиральную машинку или прогуляться по торговому центру, приходится ехать за тридевять земель. Другие горо-

да могут похвастаться огромным мотком бечевки, гигантской головкой сыра или исполинским стулом. Где-то есть живописные водопады, мерцающие сталактитовые пещеры или летучие мыши, спящие под мостом*. А в Фэйрфорде — мальчик в стеклянном гробу. И Воздушный Народец.

Для которого туристы становятся легкой добычей.

Возможно, феи решили, что родители Картера из туристов. Его отец действительно был родом из другого города, а вот мать — нет. Она поняла, что ее ребенок украден, в ту же ночь, но прекрасно знала, что делать: на сутки отослала мужа из дома и пригласила соседок. Они испекли хлеб, накололи дров и наполнили старую глиняную миску солью. Затем, когда все было готово, мама Картера нагрела в очаге кочергу.

Та накалилась докрасна, но этого было мало. Лишь когда металл побелел от жара, мать Картера прижала самый кончик кочерги к плечу подмышца.

Младенец завопил от боли — так громко и пронзительно, что в окнах на кухне лопнули стекла.

Запах был, как будто в костер бросили пучок свежей травы; на коже ребенка вздулись красные волдыри. С тех пор у него остался шрам — Хэйзел видела его прошлым летом, когда они с Джеком, Бе-

---

* Имеется в виду город Остин в Техасе, «столица летучих мышей». Здесь и далее прим. переводчика.